

КАЛЕНДАРЬ

Экран и сцена (прил. к Сов. культура)

ДС

16 декабря исполняется 25 лет со дня выхода на экран фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм».

И ТАК, РАБОТА в группе Ромма, в том уникальном коллективе, который только он один мог собрать — единомышленники, сотоварищи по тяжелому труду, для которых каждый день совместной работы — счастье: от общения друг с другом, от общения с тем невероятным явлением, которое называется «М. И. Ромм».

Первые просмотры хроники. Они были молчаливые и вызвали потрясение своей непохожестью на окружающую каждого нормальную человеческую жизнь: понятия вывернуты наизнанку, истины поставлены с ног на голову. Поражала нечеловеческая логика фашизма. Даже люди, сами прошедшие войну, не представляли, что так было, что так жили миллионы людей. Переводчик, молоденькая девушка, останавливалась после каждой очередной фразы Геринга и говорила: «Неужели все это можно думать и произносить вслух?» И, как бы отвечая ей, зал, перед которым произносилась речь, разражался бурей оваций. Вся наша группа прошла через это потрясение от первых просмотров, когда казалось, что невозможно сделать фильм, который хоть объяснил бы жизнь в течение десятилетия целого народа, сошедшего с ума.

И рядом — написанный сценарий, в который не вмещался материал, живой и страшный. И самые первые комментарии Ромма, его мучительная попытка ответить на вопросы, буквально раздражавшие всех, кто смотрел эти кадры.

Смотрели фильмы Роты и Лейзера на ту же тему. Взгляд историков, с разным темпераментом последовательно излагающих ход чудовищных событий. Авторы глубоко убеждены в том, что сработает сама сенсационность материала, который не может не вызвать эмоции миллионов зрителей. Такой путь возможен, но абсолютно неприемлем для мыслителя Ромма. Уже первые его комментарии экрана были для нас неожиданными. Они поражали не только позицией человека, гражданина, но парадоксальностью взгляда художника, каким-то его очень личным ощущением увиденного.

Сам процесс создания фильма был для каждого из нас поразительной школой знания, умения заниматься профессией. Ромм привлекал людей, которые могли рассказать о явлении с самых разных сторон, он тратил часы для бесед, казалось бы, имеющих самое отдаленное отношение к работе, но на самом деле дающих нам возможность свободно разбираться в самом сложном материале.

Акт рождения высочайшего искусства происходил на наших глазах. Мы ощущали себя его участниками и сотворцами, хотя, естественно, вклад в общее дело каждого из нас был несоизмерим с работой Ромма и был великолепно, ненавязчиво и очень точно направляем им. Выслушивались самые бредовые идеи любого члена группы, обдумывались, обсуждались, и из них извлекалось что-то нужное для картины.

Фильм возникал на наших глазах как живое уникальное неповторимое существо. Сначала появились отдельные несвязанные между собой эпизоды, которые Михаил Ильич, как строитель, называл блоками. Они поражали тем, что в частном, незаметном, обыденном обнаруживалась закономерность. Бытовая деталь начинала говорить о сути явления точнее, чем глобальные события. «Изготовление юбилейного экземпляра «Майн Кампф» — серый научно-популярный фильм неожиданно дал идею жесткой конструкции, к которой стремился Ромм.

РАБОТАЯ над фильмом, он невероятно страдал, пропуская сквозь себя многократно запечатленные на пленку муки миллионов.

При этом постоянно Ромм внушал нам, что не может, не должно быть ослепления яростью, что надо разделять событие, его исполнителей от подлинно виновных в происшедшем. Но одновременно требовал от себя максимальной правды, без сентиментальных заплат, закрывающих глаза на подлинные ужасы фашизма.

Однажды у нас появилась его ученица из ГДР, которой он дал посмотреть несколько кусков из еще не смонтированных глав. Она сказала ему, что это вымысел, что так не было, так не могло быть, что она жила в это время в Германии, правда, была маленькой девочкой. Ее родители, антифашисты, были в это время в концлагере, но сама она была в Германии на свободе и ничего подобного не видела. Тогда Ромм нахмурился и сказал: «Хорошо. Покажите ей «Документы обвинения, представленные Советским Союзом на Нюрнбергском процессе». Их снимали советские операторы, входя в освобожденные города. Документы запечатлели злодеяния, со-

Я ВЕРЮ

«Обыкновенный фашизм» — табличка на маленькой комнате в конце коридора. Здесь работала группа Михаила Ромма над фильмом по сценарию, написанному Майей Туровской и Юрием Ханюгиным. Люди, проходящие мимо, удивленно пожимали плечами — странное название. Да — невероятное словосочетание, ни на что не похожее, не соединимое. Пожалуй, тогда смысл его был понятен только одному человеку — Ромму.

вершенные фашистами на освобожденной территории. За несколько дней до этого мы смотрели этот фильм — он рождал ощущение несправедливо мягкого наказания тем, кто повинен в показанном на экране. А ведь им был вынесен смертный приговор. Когда побелевшая студентка вышла из нашего маленького зала, мы все хотели уйти, чтобы дать ей возможность поговорить с учителем наедине.

— Не уходите, — попросила она. — Я видела, я видела! Но этого не может быть. Это неправда, я не могу поверить, иначе мне не стоит жить.

Ромм расстроился искренне, по-детски, что-то шептал про себя, вышагивал по длинному коридору монтажной, курил, прикуривал сигарету от сигареты, забыв про самоограничение в курении, про все запрещения. Если она, которая в детстве была в той Германии, не смогла, не захотела понять, она — умная, тонкая, интеллигентная женщина, дочь антифашиста... Как же остальные? Как поймет молодежь, не знавшая войны, и люди в странах, где ее не бы-

ло, и, наконец, пожалуй, самое важное: немцы в ГДР и ФРГ?

Спустя полгода после выхода фильма на экран в Западном Берлине молодежь устроит ему овацию, а провокатор спросит: «Какой пост вы занимали в третьем рейхе?» Фильм будет сделан «изнутри» со всей болью и страстью истинного художника.

Школьник из ФРГ напишет в газету: «Отец разбудил меня: «Смотри! Ты должен это видеть. Ты должен знать, что было...». Так скажет своему сыну бывший солдат вермахта.

Ромм не узнал об этом.

А пока в темном зале Михаил Ильич показывает группе почти собранный материал, и для тех, кто смотрит впервые, поясняет его ироническими убийственными фразами. Фильм, прекрасно существовавший без текста, неожиданно на наших глазах меняется, получает невероятный объем, ибо момент присутствия личности — крупной, размышляющей о мире с позиции Человека — наследника культуры, поражает странной, ни на что не похожей формой. На глазах рождается новый вид кино — кино мысли. Живая импровизация Ромма, откровенное общение со зрителем, его сомнения, размышления по поводу происходящего на экране потрясают. Потом будет множество эпигонов, взявших этот прием, но не обладающих масштабом личности для подобного диалога со зрителем. Ромм поначалу даже не хотел слушать о том, чтобы сохранить «болтовню по поводу» в картине. Не ложная скромность руководила им — он просто лучше нас всех, я думаю, понимал меру ответственности подобного диалога. Но группа была настойчива.

Сейчас невозможно представить картину без его глубокого, чуть хрипловатого голоса, без роммовских интонаций, парадоксов, без его боли и убийственного юмора.

К

КОНЦУ фильма он бесконечно устал, болел, глаза авалились, тяжело ходил, нервничал. Ромм уже знал, что картина получилась как произведение искусства, но теперь зритель, тот самый, ради которого она делалась, заботил его больше всего. Он хотел, чтобы его мысли, чувства, сомнения разделили миллионы, и потому, проводя часы в темном прокуренном зале, он «обкатывал» фильм на разном зрителе, подмечая малейшие оттенки восприятия, бесконечно меняя текст, мучительно добываясь не монолога, а диалога с самыми разными людьми.

И вот наконец огромный гулкий от пустоты зал перезаписи — последнее и окончательное рождение фильма. Ромм волнуется и не пытается скрыть волнения, первая часть фильма на экране с шумами, с музыкой, с голосом автора. Он мечется по огромному залу с сигаретой в зубах, иногда отворачивается от экрана, смотрит на нас, сгрудившихся у пульта, удивляется, что-то восклицает, негодует по поводу себя, своего голоса, спрашивает нас о своем экранном двойнике, предлагает все переписать, но никто ему не отвечает — все захвачены тем, что сейчас происходит на экране и чего никто, кроме него, до этого мгновения не мог себе представить в окончательном варианте. Фильм волнуется, необычайно захватывает даже нас, знавших наизусть материал. Он это видит и, наверное, счастлив.

Потом были поездки по миру с фильмом, поразившим миллионы. Поездки наверняка приятные, но, конечно, очень тяжелые, ибо против фильма боролись: он слишком больно бил.

Вернувшись после очередной поездки, Ромм сказал: «Наверное, я понял, что мне нужно было делать всю жизнь». Я думаю, он был прав. Он был прежде всего рожден для осмысления мира, в котором мы живем.

П

ПОСЛЕДНИЙ раз мы виделись в коридоре среди железных дверей монтажных. Накануне я видел впервые законченный новый фильм Ромма, а он, несмотря на болезнь, много часов со мной наедине смотрел мою картину. Вокруг нее шли споры, мне было тяжело, и он, как никто другой, понимал это. Мы расстались поздно вечером, а ровно в восемь он позвонил. Я испугался, он почти никогда не звонил сам. «Не слушай меня. Делай то, что считаешь нужным. Только так».

Он учил самостоятельности, верности своему неповторимому «я» художника — наверное, поэтому сегодня именно ученики Ромма, столь не похожие друг на друга, более, чем кто-либо, имеют свое лицо.

Однажды, когда мне было особенно тяжело после очередного худсовета, Михаил Ильич сказал: «Все будет хорошо — я счастливы. Верь мне».

Я верю.

Савва КУЛИШ.
Фото Бориса Балдина.